

МАСТЕР, ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА

МОЖНО ли научить человека искусству художника или писателя? Вопрос этот старинный, и ответ на него дается уклончивый: можно, при наличии у человека таланта и желания научиться. Но сам такой вопрос предусматривает множество сомнений: великие писатели не проходили специальных школ, великие художники были подмастерьями своих учителей и тем не менее сами вырастали в великих мастеров. И, как это ни удивительно, сейчас, во второй половине XX века, в любом творческом вузе при встрече со студентами можно получить записку с этим самым вопросом: а надо ли учиться, не растворится ли во всей сумме общих представлений о предназначении искусства, во всем множестве учебных дисциплин самобытность дарования?

Педагогический процесс в художественной школе, вероятно, самый сложный из всех возможных педагогических процессов, предусматривает особый в каждом случае, избирательный метод овладения нравственной природой ученика. Каждый раз, когда приходится снова, сидя за столом приемной комиссии, всматриваться в лица сотен и сотен проходящих перед экзаменатором абитуриентов, когда предстоит из этих сотен отобрать десятки, затем единицы, чувство ответственности обостряется до крайности: решается судьба человеческая, ошибиться нельзя. Во всяком случае ошибиться, отказав хоть сколько-то одаренному абитуриенту в праве поступления в институт, в мастерскую.

Когда дело касается кинематографа, искусства, магически влекущего к себе современную молодежь, все осложняется самим количественным соотношением между жаждущими поступить и наличием вакансий. Ежегодные наборы во ВГИК ограничиваются для актерского факультета пятнадцатью местами, для режиссерского — десятью. И это на тысячу или полторы тысячи заявлений.

Опыт объединенной мастерской, где учатся вместе режиссеры и актеры, дал свои результаты. Имена выпускников мастерской хорошо известны, начиная от «молодогвардейцев», как мы называли первый послевоенный выпуск, из которого вышли участники фильма «Молодая гвардия», ныне уже крупные мастера советского кинематографа, режиссеры, актеры. Опыт подтвердился и в следующих выпусках. Более четверти века существует мастерская. И вот опять новый курс, опять вглядывание в глаза и в душу начинающих с надеждой, что большая половина из них сумеет доказать свое право на серьезную работу в советском кинематографе и, пройдя все трудности испытаний школы, доберется до вершин учебного процесса, дипломной роли, дипломного фильма.

Можно ли научить искусству? По-видимому, да, если человек одарен. Но прежде всего надо воспитать человека, а это сделать и можно, и нужно. Именно в этом-то мы и полагаем основу школы. Условие это, по-видимому, обязательно для каждой школы, для каждого учебного заведения, но совершенно особое значение оно приобретает в творческом вузе.

При всем трудолюбии подростка он только в исключительных случаях способен на самоуправление. В подавляющем большинстве он нуждается в той или иной форме принуждения, и это отлично знают и семья, и школа. Попадая в вуз, молодой человек должен быть прежде всего поставлен в известность со всей категоричностью педагогического авторитета, что все направление его жизни резко меняется. Он сможет получить в высшем учебном заведении знаний, опыта столько, сколько захочет получить. Но ему придется расстаться прежде всего со всеми школярскими навыками и овладеть той степенью зрелости, когда надо отвечать прежде всего перед самим собой за каждый день и час прожитой жизни. Приобрести потребность и умение читать не только то, что положено по программе, а читать с жадностью, имея в виду ленинский завет: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Если это сказано для всех молодых, то в первую очередь это касается писателей и художников, начинающих свою дорогу в творчестве. Здесь-то, по-видимому, и лежит ответ на сакраментальный вопрос: а надо ли учиться? Мы отвечаем своим ученикам: надо учиться, и не только у нас, разумеется, и не только по специальным книгам, где собран опыт, в частности кинематографа. Надо учиться у всего множества умов и талантов, украсивших творениями своими библиотеки мира, галереи, музеи и синематеки. Учиться у всего богатства литературы искусства, впитавшего в себя и переработавшего умом и страстью все богатство жизни людской, все многообразие характеров и судеб творцов человеческой истории.

Второе условие школы: жить не в одиночку, а в обществе своего курса, своей мастерской, своего института. Каждая новая работа, которую студент с первых же шагов на первом курсе показывает педагогам и курсу, становится предметом самой широкой и демократической дискуссии. Умение быть честным и искренним в отношении к искусству остается главным заветом в обучении. Сегодня ты судья и критик, завтра ты сам объект товарищеской критики. В этих спорах складывается драгоценная общность педагогов и студентов, когда вместе, сообща, и старшие, и молодые делают свой шаг к постижению друг друга и вместе — к постижению предмета своего труда.

Сергей ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР

Именно тут-то и складываются те представления о предназначении искусства, обо всех особенностях художественного творчества, о признаках мастерства, которые при всей элементарности задач на первом курсе все же не могут быть отброшены как нечто преждевременное. Мы уверены в том, что принципы воспитания художественного воображения, вкуса, эзическости, точности не могут быть до конца воспитаны на отвлеченном, нарочито элементарном материале.

Когда предметом искусства выступает жизнь, пусть даже в своих простейших формах, простейших связях, но обязательно жизнь со всем учетом своеобразия среды, обстоятельств, если угодно, биографий. Другое дело, что тут в помощь вступает все множество подсобных дисциплин, имеющих целью организовать движение, украсить и облагородить речь, дать представление об основах музыки, научить излагать свои мысли на бумаге не только грамотно, но и литературно. И, конечно, что представляется мне самым важным во всем этом достаточно обширном соединении разнообразных дисциплин, — это система идейно-политической организации молодой натуры.

Помимо обязательных предметов этого цикла, от истории КПСС до марксистско-ленинской эстетики и философии, важным звеном мы считаем непосредственную работу в мастерской. Авторитет мастера, его мировоззрение тут имеют важнейшее значение, так как мировоззрение ученика выстраивается постоянно под непосредственным наблюдением и воздействием мастера. Оценка любого жизненного явления, отклик на сегодняшний газетный лист, понимание и осмысление главнейших событий современности и истории — все это так или иначе бродит в самой атмосфере мастерской, так или иначе связывается со всей повседневной работой студента. Его творческий труд начинается с самостоятельных этюдов, набросков, упражнений. За всем этим стоит мысль о том, что в мире не существует ничего абстрактного, оторванного, независимого от всего многообразия и огромности жизни человеческой. И все это так или иначе касается самого художника, вызывая у него ответные реакции, оценки и выводы.

Именно из этого принципа возникает основа живых отношений между педагогом и учеником, когда любой, самый неожиданный вопрос, казалось бы, совершенно независимый от программной работы сегодняшнего дня, вдруг становится предметом углубленного обсуждения. Тут-то и открываются самые подспудные, самые, казалось бы, тайные представления молодого ума о сложностях бытия, рождается то естественное доверие в отношениях между старшими и младшими, когда решение вопроса приходит не от субординации, а от старшинства мысли. Разумеется, все это дается не сразу и нелегко. Стремление набрать на каждый новый курс сколько-то равноценный человеческий материал всегда терпит неизбежные поправки в том смысле, что все-таки новый курс, все эти двадцать пять человек, десять режиссеров и пятнадцать актеров далеко не равны по своей подготовке, по жизненному опыту, да даже и по самому дарованию. Уже на первом курсе определяются лидеры, как правило, это молодые коммунисты и наиболее инициативные комсомольцы. И они живо включаются в работу. Пребывание в комсомоле — это состояние не возрастное, а идеологическое. За этим встает немало обязанностей, о которых нельзя забывать ни в мастерской, ни в общежитии, и главнейшей обязанностью остается потребность и умение оценивать жизнь на основе марксистско-ленинского миропонимания, и обязанность понимать свой труд в искусстве как познанию продолжающуюся битву за общенародные цели.

Если говорить о педагогическом процессе, то здесь лежит, быть может, наибольшая трудность, но здесь же и находишь наибольшее удовлетворение. Я имею в виду ту способность молодого сознания, которая уже в силах понять и раскрыть характер не в статике, а в диалектическом развитии, увидеть в любой задаче не только признаки жанра со всеми его каноническими чертами, но уловить сущность жизненного явления, суметь рассмеяться над ним или облить его слезами. А в конце концов чего иного могут ждать люди от искусства, чего могут требовать от него?

В этой работе нам помощником выступает вся мировая классика, вся лучшая современная литература, помогают все искусства и, разумеется, сам кинематограф в своих классических образцах. Но более всего помогает день ото дня крепнущая способность ученика любить и понимать жизнь, видя в ней бесконечный источник красоты и разума. Такое отношение к жизни, естественно, порождает и потребность борьбы со всем косным, что непрестанно возникает и будет возникать на пути человека.

Убожество копиизма и одичалое стяжательство, высвобождение инстинктов за счет разума и чувства — все это широким фронтом в изобилии наступает на современного человека в теории и практике современного буржуазного искусства, с каждым днем приобретая все более агрессивные формы. Нужно ли прятать от молодого сознания весь этот поток идейно-эстетических мистификаций, замешенный на грязи и крови? Видимо, здесь следует руководствоваться простой мыслью, что в битве надо знать врага, знать его цели и силу и знать, как с ним бороться и побеждать. Оружием в этой битве может стать только развитое коммунистическое сознание, обогащенное опытом партии и марксистско-ленинской философией. Оружием этим надо овладевать. Вот, на наш взгляд, главнейшая цель воспитания современного художника, которому предстоит жить и работать отнюдь не в идилической обстановке, а в непрестанной битве за коммунистические идеалы. Все это не просто, так как речь идет не о неподвижных догмах, не о канонических формулах, а о жизни и живом языке искусства, где накопленный опыт постоянно поправляется движением времени, а средоточием художественного постижения остается человек со всеми сложностями его современного бытия.

Сложности эти выступают прежде всего в обилии информации, беспощадно обрушивающейся на сознание современника и прежде всего на молодое сознание, еще не защищенное способностью зрелого отбора. Многие мы привыкли относить в счет технической революции по принципу, сходному с формулировкой «война все спешит». Все-де подвластно императивам нового века, где изменились все основы бытия, расстояния, ритмы, физические и нравственные нормы и нагрузки. Где нет времени для проследования духовной жизни человека (а может быть, нет и потребности!) и на первый план выступает искусство прямого действия. Так вот, может быть, сейчас, как никогда, уместно задать вопрос а что, если в наш век немислимых скоростей искусство-то как раз и должно сохранить за собой право быть неторопливым? Мысль эта приходит все чаще и чаще и в зрительном зале, и в школе, где надо думать не только о сегодняшнем дне, но и о днях грядущих, в которых предстоит трудиться сегодняшним ученикам.

Иступленное искусство современного Запада, даже в наиболее крупных, так сказать, программных своих произведениях, констатирует безысходность тупика, в котором мечется столько же замурованный, сколько и растленный человек, нацело утративший образ и подобие человеческого. Цель этого модного мифотворчества — объяснить человеку, что «преграда рушена между добром и злом» и что иных принципов существования современной жизни предложить более не может. Отголоски всей этой нравственной агрессии при тотальном распространении кино и телевидения можно в той или иной мере обнаружить повсюду. Но все в этом мире имеет свое название, и как бы ни играть понятиями на основе самых современных философских систем, даже и в век технической революции, мерзость останется мерзостью, а подлость — подлостью.

Работая в институте, где воспитывается советская кинематографическая смена, надо думать и об этом, казалось бы, чужой для нас беде, так как по вине все той же технической революции идеи приобрели неведомую ранее летучесть, обладая при этом в иных случаях ядовитой заразительностью чумы.

Нам доверено самое дорогое, что есть у нации и общества, — молодые души и головы. Первое наше дело — воспитать их в неподкупности и чистоте, без которых истинный талант не вырастить.